

УДК 821.161.1

Н.К. Солошенко-Заднепровская

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ: КНИГА Д. САМОЙЛОВА «ВЕСТЬ»

Книга Д. Самойлова 1970-х гг. «Весть» открывается стихотворением, в котором отчетливо определена иная, не пушкинская, традиция:

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье... [1, с. 200].

Здесь слышна реминисценция из стихотворения М. Лермонтова «Есть речи – значенье». Но строй и этой книги – пушкинский, и в ней немало стихотворений свидетельствуют о важной роли Пушкина в творчестве поэта. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать своеобразие поэтической книги Д. Самойлова «Весть» и выявить в ней формы следования разным поэтическим традициям. Речь идет, прежде всего, о небольших стихотворениях, посвященных теме поэта и поэзии. Здесь нет ни цитат, ни реминисценций из произведений Пушкина, однако выражены близкие к его пониманию мысли о силе поэтического слова и сущности поэзии. Скажем, в стихотворении «Поэзия пусть отстаёт...» поэт подчеркивает вечную ценность поэзии: «И в грудь поэзии падет / Все то, что живо» [1, с. 214]. Трудно говорить о том, что эта метафора родилась под влиянием Пушкина, но и у великого предшественника есть такой образ: «... и мне богини песнопенья / Еще в младенческую грудь / Влияли искру песнопенья...» [2, с. 92].

Диптих «Стихи о Дельвиге», напротив, отсылает именно к пушкинской поре и творчеству. Как известно, у Пушкина есть несколько стихотворений, посвященных другу. Д. Самойлов не только контаминирует реминисценции из них, но и передает само пушкинское отношение к «парнасскому брату». Дельвиг... Ленъ... Младая дева... [1, с. 215].

В послании Пушкина «Дельвигу» (1817) уже в первой строке используется слово «лень»: «Любовью, дружеством и ленью...». О невероятной лени Дельвига много писали и современники, потому это слово уместно в произведении, написанном о нем. «Младая дева» отсылает, вероятно, сразу к нескольким текстам: и к 4 главе «Евгения Онегина» («Сменит не раз младая дева / Мечтами легкие мечты!»), и к «Бахчисарайскому фонтану», и к др. Думается, однако, что и это словосочетание является сигналом для аналогии с пушкинским наследием. Однако в дальнейшем Д. Самойлов разворачивает индивидуальный образ поэта:

Засыпай, окутан ленью.

лирик Н.» [1, с. 217]. Можем высказать предположение, что под «лириком Н.» Д. Самойлов подразумевает Н.А. Некрасова, в поэме которого «Кому на Руси жить хорошо» используется это слово: «Коморочка под лестницей: / Кровать да печь железная, / Шандал да самовар» [3, с. 319].

Ночной гость не назван, однако по некоторым деталям можно предположить, кто это. «Незнакомец стоял в дверях. / Он вошел, похож на Алеко. / Где-то этого человека / Я встречал. А может быть – нет» [1, с. 218]. В разговоре он произносит: «Неужели возврат к истокам / Может в этом веке жестоком / Напоить сердца и умы?» [1, с. 218]. Д. Самойлов использует отрывок цитаты из «Памятника» Пушкина («век жестокий»). Эти детали дают возможность говорить о том, что к поэту нынешнего времени явился первый русский поэт. Здесь высказывается мысль о смещении времени, которая во многом объясняет временные особенности «пушкинских» стихотворений Д. Самойлова.

И не надо думать о чуде.
Ведь напрасно делятся люди
На усопших и на живых.

Мне забавно времен смещенье.
Ведь любое наше свершенье
Независимо от времен [1, с. 218].

Эти слова произносит ночной гость. Мудрое отношение ко времени и бытию противопоставлено в стихотворении Улялюмову, который сел писать стихи и заснул, а во сне способен пробормотать лишь ничего не значащую фразу ночного гостя: «Ах, пустяки!» [1, с. 219]. Д. Самойлов не перегружает слова желанного гостя философскими построениями: после нескольких фраз, одна из которых – «Я не ведаю, как нам быть», - они замолчали, и это молчание длилось всю ночь.

Стихотворение «Ночной гость» посвящено невозможному событию, а разговор о поэзии вышел «о том, что есть». Поэт декларирует свое поэтическое кредо: «Ничего не прошу у века, / Кроме звания человека, / А бессмертье и так дано» [1, с. 218]. Это философское стихотворение как бы уточняет «пушкинские» стихи Д. Самойлова, добавляет штрихи к его пониманию сущности поэтического творчества, смысла жизни, участи поэта.

Их продолжает, углубляет стихотворение Д. Самойлова «Другу-стихотворцу». Напомним, что пушкинское произведение 1814 г. называется «К другу-стихотворцу» [4, с. 9 – 11], и поэт, несомненно, вступает с Пушкиным в диалог. Это послание другу-стихотворцу нового времени, нового века, и Д. Самойлов продолжает высказанные предшественником мысли о поэтическом творчестве, только в ином аспекте. Он пишет о смене поэтических поколений, о том, что даже «юный внук стихи строчит из-под полы»: «Их надобно признать. И надо потесниться. / Пора умерить пыл и прикусить язык» [1, с. 244]:

Иному поколенью

Дано себя познать и тратить свой запал,
 А мы уже прошли сквозь белое каленье,
 Теперь пора остыть и обрести закал [1, с. 244].

Если у Пушкина подлинная судьба поэта противопоставляется расхожему мнению о ней: «Не так <...> писатели богаты», «им не даны ни мраморны палаты, / Ни чистым золотом набиты сундуки» [4, с. 10], то у Д. Самойлова речь идет не об этом. Поэт призывает стихотворца подумать о душе и остаться наедине с природой:

И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной,
 Без страха пустоту увидим над собой,
 Где, заполняя слух бессонницы блаженной,
 Шумит, шумит, шумит, шумит морской прибой [1, с. 245].

Словосочетание «бессонницы блаженной» прокладывает ассоциативную связь к стихотворению Д. Самойлова «Бессонница», которое напоминает пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» [2, с. 338]. Они написаны молодым поэтом, его герой задается вопросом, отчего бессонница мучает его, отчего тревожит: «От меня чего ты хочешь? / Ты зовешь или пророчишь? / Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...» [2, с. 338]. В стихотворении Д. Самойлова лирический герой уже умудрен опытом, времена, когда его охватывал мгновенный сон, позади: «Теперь рассветный час встречаю, / Бессонницею обнесен» [1, с. 251]. Бессонница вызывает у него досаду, а не тревожные вопросы:

И я не сплю – не от боязни,
 Что утром не открою глаз.
 Лишь чувством острой неприязни
 К себе – встречаю ранний час [1, с. 251].

Д. Самойлов использует сходную с пушкинской поэтическую ситуацию, но, как и в других стихотворениях, отталкиваясь от нее, переосмысливает, уточняет, продолжает мысль предшественника, находит в своем ощущении мира сходные или иные чувства.

О том, что это так, косвенно свидетельствует стихотворение «Стансы», которое начинается так:

Начнем с подражания. И это
 Неплохо, когда образец –
 Судьба коренного поэта,
 Принявшего славный венец [1, с. 253].

Однако подражание – лишь исходная точка, ведь для подлинного творчества нужна «путеводная нить», «И можно ли горла дрожанье / И силу ума сочинить? / И как по чужому каркасу / Свое устроенье обжать? / И можно ли смертному часу / И вечной любви подражать?» [1, с. 253]. Мысль или тема предшественника подсказывают новому поэту идею или настроение, но настоящая поэзия рождается совсем иначе. И только впоследствии понятно, «на что мы похожи и гожи, / И что нам от бога дано» [1, с. 253]. Это стихотворение, ничем не отсылающее к Пушкину, разве что названием,

выражает глубинную мысль Д. Самойлова о преемственности и «подражании», которая подтверждена рядом его произведений.

Еще одно известное произведение поэта создано на пересечении пушкинской темы и «слова» Б. Пастернака – «Пусть нас увидят без возни...». Здесь прямо декларируется традиция: «Они / Из поздней пушкинской плеяды» [1, с. 256] и выражается уверенность:

Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу [1, с. 256].

Говоря о пастернаковском «слове», мы имели в виду именно этот образ свечи, не задуваемой метелями. Д. Самойлов противопоставляет чистоту замыслов и поступков наследников Пушкина суете и мелочности: «Пусть нас увидят без возни, / Без козней, розни и надсады» [1, с. 256]. Поэт говорит о своем поколении: «Я нас возвысить не хочу. / Мы – послушники ясновидца...» [1, с. 256]. Таким образом, здесь впервые прямо задекларировано то, что Д. Самойлов выражал путем обращения к пушкинским темам, вводя цитаты, реминисценции и эпитафии из его произведений.

В диптихе «Два стихотворения» он думает об истории русской поэзии, которую увидел не сквозь гражданственную тему, а сквозь призму любви к женщине, что обусловило и жизнь, и характер творчества. Так, судьба первого поэта связывается с тем, что он «заплатил за нелюбовь Натальи»:

Все остальное – мелкие детали:

Интриги, письма – весь дворцовый сор... [1, с. 258].

Вопросы о том, кто же виновен в смерти поэта, автору представляются неуместным: «Считайте наши вины / Те, что имеют сосчитать свои...» [129, с. 258]. Поэт, когда он любит, не думает о своей смерти, не бережет свою жизнь и свои силы: «О страхе должен думать тот, другой, / Когда перед глазами поколений / В запал курок спускает нетугой» [1, с. 258]. Первый русский поэт погиб рано, «что остается?» в истории поэзии: «Поздний Тютчев?». Но и он на склоне лет испытал любовь, которая изменила и его жизнь, и его стихи:

Что остается? Пушкин поздний?

Какой там – поздний! Не вчера ль –

Метель, селитры запах грозный,

И страсть, и гибель, и февраль... [1, с. 258].

Последняя стихотворная строка ритмом и строением отсылает к заключительной строке пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»: «И жизнь, и слезы, и любовь...» и отбрасывает иной свет на весь диптих. Любовь меняет жизнь поэта, приходит неожиданно и не вовремя, и именно это остается в истории литературы.

Ироническое снижение в стихотворении «Мороз» также идет от Пушкина, восходит к 4 главе «Евгения Онегина». Поэт дважды подчеркивает это, создавая кольцевую композицию. В первой строфе:

Читатель ждет уж рифмы «розы»,

Но, кажется, напрасно ждет [1, с. 284],
а в последней – уже приводит более точную цитату из пушкинского романа:
«Читатель ждет уж рифмы ”розы”? / Ну что ж, лови ее, лови!..» [1, с. 284].
Это стихотворение тоже о «подражании» или повторении, но и в нем провозглашается индивидуальность поэтического творчества, основанного на традиции и преемственности.

Повторов нет! Неповторимы
Ни мы, ни ты, ни я, ни он.
Неповторимы эти зимы
И этот легкий ковкий зов [1, с. 284].

Так, пушкинская ирония о банальной рифме, с одной стороны, устанавливает линию преемственности, а с другой, – утверждает неповторимость поэтического творчества.

Книга Д. Самойлова «Весть» может считаться книгой в полной мере «пушкинской» не потому, что поэт воплощает свои размышления с привлечением пушкинского слова, а потому, что в ней выражено пушкинское мироощущение. Формой этого выражения является, в основном, изысканная аллюзия, свидетельствующая о высоком поэтическом мастерстве Д. Самойлова.

Литература

1. Самойлов Д. Избранное: в 2-х тт. / Давид Самойлов. – М.: Художественная литература, 1989.
2. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 6-ти тт. / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Правда, 1969. – Т. I. – 527 с.
3. Некрасов Н.А. Избранное: в 2-х тт. / Н.А. Некрасов. – Т. 2. Поэмы [Сост. В. Алексиной]. – М.: Терра – Книжный клуб, 2007. – 590 с.
4. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 6-ти тт. / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Правда, 1969. – Т. II. – 495 с.

Анотація

У статті розглядається своєрідність поетичної книги Д. Самойлова «Вість». Доводиться, що поет вступає у поетичний діалог не лише із О. Пушкіним, а з цілою низкою російських поетів. Це створює багатоголосся цієї книги, автор якої виступає спадкоємцем великої поетичної традиції. Основною формою наслідування є вишукана аллюзія, яка свідчить про майстерність Д. Самойлова.

Ключові слова: поетична традиція, інтертекст, аллюзія, діалог.

Аннотация

В статье рассматривается своеобразие поэтической книги Д. Самойлова «Весть». Доказывается, что поэт вступает в поэтический диалог не только с А. Пушкиным, а с целым рядом русских поэтов. Это создает многоголосие этой книги, автор которой выступает наследником большой поэтической

традиции. Основной формой наследования является изысканная аллюзия, которая свидетельствует о мастерстве Д. Самойлова.

Ключевые слова: поэтическая традиция, интертекст, аллюзия, диалог.

Summary

In the article originality of poetic book of D. Samoilov is examined «Vest». It proves that the poet enters into a poetic dialogue not only with O. Pushkin but with a number of the Russian poets. It creates polyphony of this book the author of which comes forward the heir of large poetic tradition. The basic form of inheritance is refined allusion which testifies to D. Samoilov's mastership.

Key words: poetic tradition, intertext, allusion, dialogue.